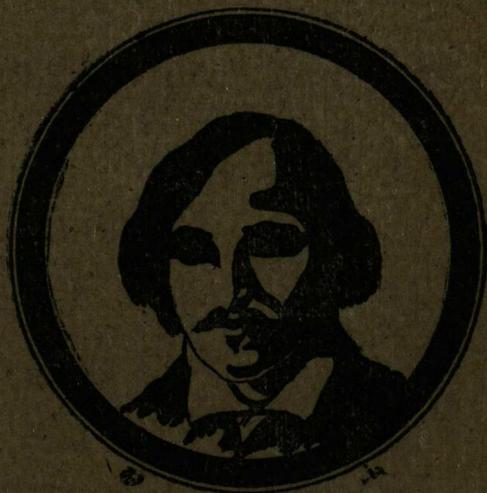

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПАМЯТИ ГОГОЛЯ

А В Т О Р Ы:

Л. Андрусонъ, Ниво-
лай Архиповъ, К. Ба-
ранцевичъ, Л. Василев-
сий, Л. Гуревичъ,
М. Гальперинъ, А. Ку-
принъ, Л. Козловскій,
Вл. Ладыженскій, В. Лен-

скій, Вл. Муриновъ,
В. Поссе, И. Рѣпинъ, А. Ро-
славлевъ, А. Свирскій,
Сила - Дворяниновичъ,
Н. Фалѣевъ, Е. Чир-
новъ, Чужь-Чуженинъ,
И. Щегловъ, Н. Эфросъ.

Иллюстраціи: И. Рѣпинъ—1) Отъѣздъ Тараса Бульбы съ сыновьями въ Запо-
рожскую Сѣчь, 2) Гоголь и о. Матѣй, 3) Запорожцы. Баронъ М. Клодтъ—4) Старо-
свѣтскіе помѣщики. А. Кондратенко—5 и 6) Усадьба Гоголя, Яновка. А. Ивановъ—
7) Портретъ Гоголя.

Рисунки худ. С. Чехонина: 1) Капитанъ Копейкинъ, 2) Городничій, мечтающій о
генеральствѣ.

1909

МАРТЪ

№ 5

Цѣна Гого-
левскаго
№ 50 коп.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ:
СПБ. СВѢЧНОЙ, 16.

Обычная —
25 коп. На
годъ 2 руб.

почтмейстера вышла пренепріятная исторія насчетъ капитана Копѣйкина.

Побываль это г. Копѣйкинъ въ столицѣ, выругаль всѣхъ генераловъ, да еще и посторонняго вѣдомства, назвалъ всѣхъ ихъ скверно:

— Законопродавцы!—сказаль.

Бунтъ этакій начался, сопротивленіе властямъ, въ нѣкоторомъ родѣ смута и мятежь.

Въ тѣ отдаленныя времена столица еще не состояла на положеніи охранѣ, однако у начальства были средства не хуже теперешнихъ. Призвали трехъ-аршиннаго мужчину—фельдъ-егеря... Дантисть, а не исполнитель... Говорять:

— Вези бунтовщика! И пусть онъ сидитъ въ мѣстѣ, ему для жительства предназначеномъ...

Отвезъ фельдъ-егерь капитана Копѣйкина въ этакую провинціальную глушь, гдѣ не токмо никакого просвѣщенія, но и слѣдовъ культурности не замѣчается. Физиогноміи у всѣхъ вытянутыя, глаза заspanные, не то, что въ столицѣ, гдѣ, что ни шагъ, то какая-нибудь Америка или Индія раззолоченная въ видѣ нѣкоей вазы...

Посадили капитана Копѣйкина на самое убогое содержаніе.

— Хоть ты, говорятъ, и кровь проливаль на войнѣ, тѣмъ не менѣе сіе не столь важно, какъ важно, чтобы ты питаль къ начальству уваженіе и любовь, смѣшанныя со страхомъ и трепетомъ.

Капитанъ Копѣйкинъ началъ было возражать:

— Но, говорить, кровь-то моя!

— Терпите, терпите... Дойдетъ и до васъ очередь!

— Довольно претерпѣль и больше терпѣть намѣренія не питаю...

Сидитъ капитанъ Копѣйкинъ, получаетъ отъ казны временныя кормовыя деньги, а въ мысляхъ фензевры этакіе, котлетки съ трюфелями, расуспе-деликатессы, семушка, балычокъ, англичаночка какая-нибудь стройненькая въ юбочкѣ...

Словомъ, сидѣль онъ сидѣль и сталъ искать въ своихъ воспоминаніяхъ выдающихся случаетъ, какъ люди богатство прибрѣтали...

И замѣчаетъ капитанъ Копѣйкинъ, судыри вы мои, что мимо его окошекъ плаваель въ нѣкоторомъ родѣ темная личность. Такъ себѣ прогуливаетъ, а ради какого предпріятыя, въ толкъ не взять. Видѣ у фигуры самый неопредѣленный, но подозрительный.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ О КАПИТАНѢ КОПѢЙКИНѢ.

Силы Дворяниновича.

Послѣ кампаніи, судырь ты мой, вмѣстѣ съ ранеными былъ присланъ и капитанъ Копѣйкинъ. Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ...

Ну, тогда, знаете, приключилась съ нимъ пренепріятная исторія... Объ этой исторіи презанимательно разсказаль почтмейстеръ изъ «Мертвыхъ душъ». И вмѣсто поэмы, у этого

По истеченіи нѣкотораго времени замѣчаетъ капитанъ Копѣйкинъ, что личность не прочь и познакомиться. Ради простого любопытства, покуривая изъ чубука, предаваясь въ нѣкоторомъ родѣ веселому настроенію по случаю выпитой рюмашечки, спросилъ капитанъ Копѣйкинъ, когда подозрительная личность дефилировала мимо:

— И хотѣлъ бы я знать, какъ называются тѣ самыя подлецы, которые имѣютъ должность подсматривать подъ окнами?

— Филерами!—не мало не смущенная, а даже можно сказать обрадованная, отвѣтила личность.

— А на какой предметъ оныя личности суть филеры?

— На предметъ охраны государства отъ безпокойныхъ элементовъ!

Сразу, и по обращенію, и по тону личности, понимая капитанъ Копѣйкинъ, что онъ имѣетъ дѣло въ нѣкоторомъ родѣ съ должностнымъ лицомъ, облеченнымъ, такъ сказать, нѣкоторыми служебными задачами.

— Но гдѣ же здѣсь, въ этомъ проклятомъ городишкѣ, безпокойные элементы? Тутъ, кромѣ полицейскихъ да иныхъ чиновъ, ни одного гражданина, понимающаго въ деклараціи правъ великой французской революціи!

Какъ это произнесъ капитанъ Копѣйкинъ свои слова, такъ личность исчезла изъ глазъ, въ нѣкоторомъ родѣ испарилась... И въ ту же ночь, когда капитанъ Копѣйкинъ пріотворилъ было дверь въ комнатку дѣвицы Луши и шопотомъ произнесъ ей ласковое слово, послышался стукъ.

Произошло нѣчто невѣроятное: нарядъ городскихъ занялъ всѣ выходы и входы, вошли темныя личности со свѣтлыми пуговицами, произвели обыскъ въ сундучкѣ капитана Копѣйкина, обыскали даже и Лушу и вообще сдѣлали все, что ихъ касалось и не касалось. Составили протоколъ и ушли...

На слѣдующій день въ квартирѣ капитана Копѣйкина появился новый фельдъ-егерь.

— Недовольны произведеннымъ обыскомъ?

— Особаго удовольствія не вижу!

— Желаете принести жалобу?

— Сію же минуту собираюсь и ѣду въ столицу!

— Бене...

И послѣ такой бене сдѣлалось нотабене:— явился тотъ же фельдъ-егерь съ предписаніемъ выѣхать изъ города въ теченіе 24 часовъ.

— Мнѣ и часа не нужно... А дня черезъ три-четыре я и въ столицѣ!

— Извините, говорить, но по вашему образу мыслей предписано васъ выселить изъ здѣшняго города, но безъ права вѣзда въ столицу!

— Т. е. это какъ?

— Выбирайте, отвѣчаетъ, любой городъ, любую весъ, а въ столицу ни ногой. Не допускать, а если допустить, то и вышлютъ...

— Но вѣдь это хуже, чѣмъ законъ продавать...

— Разсуждать не смѣемъ!...

Выслали капитана Копѣйкина, государи мои, въ сосѣднюю губернію. Однако, не прошло и сутокъ, какъ мѣстный фельдъ-егерь является съ предписаніемъ.

— Такъ какъ наша губернія находится на исключительномъ положеніи, то подозрительнымъ лицамъ жительство въ оной не разрѣшается...

— Я — подозритель-

ная личность? Но вѣдь я въ нѣкоторомъ родѣ проливалъ кровь...

— А кто ее въ наше время не проливаетъ!

— Но я на войнѣ съ врагомъ...

Явилось нѣсколько должностныхъ лицъ, съ ручищами, специально изготовленными природою для ямщиковъ, подхватили капитана Копѣйкина подъ ручку... И зазвенѣли колокольчики...

Такъ, государи мои, и путешествовалъ капитанъ Копѣйкинъ въ теченіе безъ малаго двухъ лѣтъ. И не было бы конца этому скитанію, если бы не подвернулся одинъ добрый и благочестивый старичокъ, который отъ жалости къ участи капитана сказалъ ему нѣчто...

Капитанъ Копѣйкинъ.

Туть-то именно и начинается, можно сказать, нить романа... Не прошло однако и двух мѣсяцевъ, какъ вдругъ получается приказъ—капитана Копѣйкина произвести въ майоры, выдать ему пенсію, пособія за раны и все прочее. Изумительное приключеніе капитана далеко не закончилось. Въ настоящее время у него свой домъ со ставнями, предлинный чубукъ и общественное вниманіе. Въбудущемъ его ждетъ еще большая карьера... Какъ это случилось, сказать нельзя, такъ какъ гоголевскій почтмейстеръ свою повѣсть прервалъ. Однако, тотъ же почтмейстеръ въ послѣдствіи времени рассказывалъ, что капитанъ Копѣйкинъ находился въ перепискѣ съ высочайшими государственными людьми столицы и губерній.

А на конвертахъ его стояла скромная дворянская корона, а на визитныхъ карточкахъ значилось:

Капитанъ Копѣйкинъ, маіоръ въ отставкѣ, предсѣдатель N-скаго отдѣла союза русскаго народа.

Сила Дворяниновичъ.